

Борис Окс посвятил жизнь развитию текстильной индустрии Латвии и с болью переживает упадок отрасли.

Как-то в редакцию зашел немолодой тихий человек интеллигентного вида и попросил уделить ему несколько минут. Гость положил передо мной на стол небольшую книжку. «Дорога» — прочитала я на глянцевой обложке.

Автор — Борис Савелевич Окс оказался вовсе не литератором-любителем, как я было подумала, а профессором Рижского технического университета, хабилитированным доктором инженерных наук. За его плечами — большая жизнь, полная испытаний, напряженного труда и научного поиска. Профессор, которому 81 год, до сих пор преподает! Борис Савельевич написал воспоминания, в которых через призму собственной биографии рассказал о становлении в Латвии текстильной отрасли. Это рассказ не только об отраслевой науке, но и о коллегах и студентах, это размышления о прошлом и будущем текстильной индустрии, о реформе системы технического образования, о судьбе производства, об этике в отношениях маститых и молодых ученых, преподавателей и студентов, руководителей производства и рабочих.

Я пригласила автора на разговор.

И вот мы сидим с ним в кафе в Старой Риге. Борис Савельевич, сделав глоток кофе, вдруг улыбнулся и рассказал забавный эпизод, который как нельзя лучше отражает уровень нашего текстильного производства в 80-е годы прошлого века.

— Тогдашний ректор Рижского политехнического институты Лавендел попросил показать ему производственную лабораторию нашего факультета. Приехал на Ганибу дамбис, 19. Там стоят небольшие станочки — размером вот с этот столик. Автоматы пустые, бобины в стороне. Я попросил ректора отвернуться на минуту, а когда он опять повернулся, ему чуть не на голову вылетела уже пара готовых нейлоновых колготок. Лавендел был изумлен.

— Сколько петель минуту делает ваша мама, когда вяжет носки? — спрашиваю его. — Примерно 30? А наша машина — миллион!

— Современная техника, наверное, ушла еще дальше?

— Сегодня машины за один оборот вяжут 120–140 рядов! Сразу выдают кусок полотна. Каждой иголочкой управляет электроника, рисунок любой сложности задает компьютерная программа.

Но я всегда говорю своим студентам: не думайте, что вы будете тряпочками заниматься! По текстильным технологиям сегодня выпускают не только и не столько трикотажные изделия, белье, обивочные ткани, но и медицинские трансплантаты — например, протезы кровеносной системы, различные детали для технических нужд, сложные композитные материалы для космонавтики, автомобилестроения, спорта. Космические аппараты разворачивают на орбите антенны, которые «связаны» из металлических нитей. А вы видели как легко спортсмены несут на плече байдарки и каноэ? Так вот корпус этих лодок сделан из трикотажного полотна, пропитанного формальдегидной смолой.

И вяжут сегодня полотна не только из натуральных волокон и синтетики, но из чего угодно — например, из угольных нитей — они прочнее стали. Текстильное производство сегодня находится на пороге технического бума — более грандиозного, чем тот промышленный переворот в Англии, с которого началась текстильная промышленность в XIX веке.

— В каком состоянии отрасль находится в Латвии?

— Она разрушена до основания. Сначала угробили производство льна — в Латгалии его перестали выращивать. Из предприятий первичной переработки льна осталась одна фабрика в Елгаве, которая работает на привозном и не первосортном сырье.

А ведь 15 назад Министерство сельского хозяйства легко могло спасти латвийских льноводов и переработчиков, отдав им миллионный заказ на льняные мешки для упаковки сахара (тогда еще он был в Латвии.) Но... отдали его туркам, которые предложили мешки из джута — и хуже по качеству, и дороже.

В Даугавпилсе был один из двух в Европе завод по производству искусственного волокна. Его продали сингапурцам за лат, и те его закрыли. А в Словении такой завод сохранили, и он продолжает работать.

В Риге был куст текстильных заводов на Югле, они делали нитки из хлопка для трикотажного производства. Там все руководители — мои выпускники, знающие специалисты, кандидаты технических наук, сейчас уже доктора. Но им трудно было конкурировать на мировом рынке с итальянцами. Те закупали на корню длиноволокнистый египетский хлопок и делали ровницу (полуфабрикат) и отправляли ее сюда. В Риге из нее пряли пряжу и отправляли назад в Италию, а там уже из нее производили полотно. Это партнерство было для нас совершенно невыгодным. Югльские заводы два года держались, но в конце концов прогорели и все распродали. Теперь на месте цехов на берегу озера стоят жилые дома, в одном из которых живет Хелена Демакова.

Из всей трикотажной отрасли уцелел «Сарканайс ритс» (теперь это «Рита»), им руководит тоже мой выпускник Сазонов. Они тоже пережили тяжелые времена, много работников уволили, но выстояли, же получили постоянные заказы и шьют на экспорт белье из трикотажа. От чулочной фабрики «Аврора», где я начинал свою трудовую биографию в 1949 году, сохранились жалкие остатки в Елгаве. Кое-какое трикотажное производство уцелело в Огре и Даугавпилсе, но они дают мизер от прежнего объема. Так же как и несколько маленьких швейных фирм.

— Годманис убеждал, что доставшиеся нам от Советов предприятия были неконкурентны и хорошо, что они загнулись. Может, в текстильной индустрии мы действительно безнадежно отставали по технологиям, дизайну?

— Что касается дизайна, то неяркие цвета, полутона, характерные для Латвии, и в Европе популярны. Оборудование было и старое. Но было и новое, как, например, на Даугавпилском заводе химволокна. Некоторые текстильные фабрики были перевооружены накануне перестройки. Все разбили и распродали, вместо цехов теперь офисы.

— А что, на ваш взгляд, конкретно могло сделать государство?

— То же, что делают французы и американцы, ограждая свой рынок от китайского текстиля пошлинами и квотами.

— Протекционистские меры были невозможны — мы ведь готовились вступить в ЕС, а там общий рынок.

— Но до 2004 года у нас было 14 лет, чтобы подготовиться — модернизировать промышленность, поддержать ее при переходе к новым условиям хозяйствования.

— Эмиссары ЕС рукоплескали сокрушению нашей промышленности — Европе не нужны были конкуренты.

— Мы для Европы не конкуренты. Латвия производит такой мизер в любой отрасли, в том числе и текстильной, по сравнению с тем, сколько потребно одной только Франции, что нашего присутствия на рынке ЕС никто бы не заметил.

Причина разгрома предприятий в другом: в нашем правительстве и даже в минэкономике вообще не было и нет людей, которые бы отвечали за текстильную промышленность. А ведь она могла бы дать сегодня как минимум треть ВВП! Чем выгодна эта отрасль? От нее очень быстрая отдача. Поставили автомат — через три дня он уже выдает продукцию. А значит, дает прибыль.

— Руководители латвийских предприятий жалуются, что, несмотря на безработицу, им не хватает инженеров и в ближайшем будущем этот дефицит будет еще больше. Уровень подготовки технарей в Латвии упал?

— Деликатно говоря, он не вырос. Мы попали в замкнутый круг: если нет промышленности — нет мотивов, побуждающих молодежь учиться инженерно-техническим специальностям. Нет специалистов — нет промышленности. Нет и прикладной науки.

У нас в Латвии был НИИ легкой и текстильной промышленности. Сейчас никто не ведет новых разработок. Если бы кто-то финансировал работу хотя бы небольшого научного коллектива — 5–6 человек, уже можно было бы много чего сделать.

Мы, например, с моей докторанткой разработали специальные изделия для борьбы с варикозом. Это непростая задача. Давление в венах варьируется по возрасту, полу, времени суток, степени заболевания — должна быть большая градация изделий. Направление очень перспективное. Но пока эта работа в Латвии не востребована.

— Но можно хоть где-то точку роста найти?

— Еще три-четыре года — и будет поздно. Люди моего поколения уйдут, средние не готовы еще. А процесс воспроизводства специалистов должен быть непрерывным. Квалифицированного рабочего можно подготовить за 3–4 года, инженера — за 6–7 лет, а научного работника — минимум за десять. И еще должны быть те, кто будет передавать научную школу.

Литовцы это понимают, у них есть два текстильных факультета — в Каунасе и Вильнюсе, у нас — ни одного. Правда, есть институт дизайна и легкой промышленности внутри химического факультета. Это не лучший вариант, но и на этой базе можно создать кузницу технических кадров и научно-технических разработок. Было бы желание у государства, точнее — у Министерства экономики. Но текстиль даже не включили в число приоритетных отраслей Латвии.

— Если мы лишимся технической элиты, как это отразится на обществе?

— Пагубно. Техническая интеллигенция определяет уровень развития страны. Не пение и не танцы — они облагораживают, но не более того. Если слой технарей вымывается, то это все равно что убрать бьефы (пороги) на плотине — вода-то будет течь, но электроэнергию не получим. И второе. Как правило, из деградации возврата нет. Если мы остановились в развитии — мы отстали и навсегда, потому что мир уйдет вперед.

— Спасибо за беседу. И еще за ваш труд и преданность делу.

«Вести Сегодня» № 51.